

Кира Громова

Позволь
мне
жить

18+

Кира Громова

Позволь мне жить

<https://litres.ru/74431072>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ужасно звучит, но я сама, своими собственными руками отняла у себя пять лет жизни. Огородила душу зеркальной броней и существовала в мире, где нет чувств, а есть лишь вкус алкоголя, дарящий долгожданное забытьё. Я думала, что надёжно заперла те три ночи ада. Но зазеркалье — коварная штука. Стоит появиться одной маленькой трещине, и старый кошмар снова стучится в твою дверь.

Единственный, кто удержал меня на самом краю моста, — Александр Воронов. Он привёл меня в свой высокий замок с панорамными окнами и филигранно сломал чужую защиту. Зачем ему израненная Снегурочка, которая панически боится мужских прикосновений?

Кнопки «стоп» в этом лифте нет. Осколки прежней лжи уже летят на пол, и под ними обнаруживаются изнанка моей прожитой жизни.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	18
Глава 3	25
Глава 4	36
Глава 5	43

Кира Громова

Позволь мне жить

Глава 1

...В жизни приходится расплачиваться за всё. Но дороже всего стоит бездействие. Иногда это становится очевидным лишь в конце пути...

ПРОЛОГ

Туман в голове рассеивался, и в тело неминуемо возвращалась боль. Она зарождалась где-то в животе и медленно поднималась к груди, сдавливая внутренности, приближая агонию. Казалось, я физически слышу ее гнилостное шипение. Как же я её ненавидела! В моей жизни она появилась недавно, но уже выгрызала острыми тонкими зубами место под самым сердцем.

Спустить ноги на холодный пол оказалось тяжело — больничная койка казалась невероятно высокой. *«Еще немного потерпеть»* — за всё это время я впервые подумала об этом. А может, адресовала эти слова той самой боли, что уже обвивала мою шею вторым оборотом, перекрывая воздух.

Я попыталась сделать первый шаг и утонула в новом приступе. Свободной рукой зажала рот, чтобы стон отчаяния не разбудил персонал; вторая рука, туго забинтованная в

гипс, была безжизненно прижата к телу. *«Еще немного потерпеть»* — теперь эта мысль кричала внутри меня. Сделав несколько глубоких вдохов, я посмотрела на окно. За ним была обычная ночь. Никакой поэзии, звезд или огромной луны, заливающей палату теплым светом. Всё проще. Нужно просто найти силы, чтобы дойти, повернуть ручку вбок и потянуть на себя.

Вечером я попросила маму переставить стул к окну и положить на него сумку с вещами. Она снова весь день просидела у моей кровати, поглаживая меня то по волосам, то по руке и бесконечно вздыхая. Но сегодня плакала тихо — отворачивалась и незаметно смахивала слезы. Видно, отец накануне поставил ультиматум: либо она держит себя в руках, либо больше не приходит к дочери, которой и так нелегко. Маме было тяжело, я видела это. Но у меня не оставалось сил на утешения и лживые заверения в том, что мне скоро станет лучше. Я предпочитала притворяться спящей. Эгоистично? Возможно. Но таким, как я, уже плевать на то, что происходит вокруг. Даже на слезы матерей.

О чем думают люди в последние минуты перед самоубийством? Что волнует их перед шагом в пустоту? Проносится ли вся жизнь перед глазами в поисках оправданий? Может, они философски размышляют о другом мире, где непременно станет легче? Или в их головах стоит такой же туман, как у меня? Одно знаю точно: в эти мгновения они не думают о близких.

«Еще немного потерпеть» — мысль отозвалась пульсирующей болью, когда я наконец ухватилась за спинку стула. Мне нужно было перевести дух. Больше всего я боялась, что сейчас кто-нибудь войдет, истошно закричит и снова уложит меня на койку. Опять укол, и опять всё исчезнет. А я хотела чувствовать эту боль. Хотела, чтобы она наполняла тело, чтобы каждый натянутый нерв посылал сигнал в мозг, и я четко понимала, ради чего стою у окна.

Еще утром, обдумывая план, я предполагала, что с окном придется повозиться — сил в руке почти не осталось. Но я справилась. Тяжело дыша, я чувствовала, как холодный липкий пот стекает по спине и лицу. Шум в ушах усилился, в висках болезненно запульсировало. Опустив голову, я еще раз подумала о том, что осталось совсем немного потерпеть, а затем потянула за пластиковую ручку. О нет, ветер не ворвался в палату, не растрепал мои волосы, не принес ночную свежесть и шум улицы. Всё было прозаичнее. Я посмотрела на стул, прикидывая, хватит ли сил забраться на него, а потом перелезть на подоконник. Это только в кино героиня встает на карниз: раскидывает руки, закрывает глаза, делает шаг и красиво парит. А за кадром играет душераздирающая музыка, и подол ее платья развевается на ветру. Почему-то в голове всплыл клип популярной рок-группы, где девушка падала то ли с крыши, то ли из окна. Стало вдруг интересно: а чем он закончился? Она рухнула на дорогу и лежала в луже крови? Или это был сон, и она проснулась с последними

аккордами? А может, ее кто-то спас?

С этими нелепыми мыслями, преодолевая физическую боль, я села спиной к открытому окну, прислонив голову к прохладному пластику. Не теряя ни секунды, уперлась рукой в край подоконника и придвинулась ближе к раме, отклоняясь назад, в пустоту. Москитная сетка на удивление быстро поддавалась натиску и беззвучно полетела вниз с девятого этажа. Я даже не пыталась прислушаться к звуку ее падения. Моя голова и плечи уже оказались на улице. Оставалось только перехватить руку, посильнее оттолкнуться ногами и...

И снова в голове картинки из клипа.

1 ГЛАВА

— А кому еще я могу позвонить первого января в одиннадцать утра?! — в голосе Нади звучал не вопрос, а громкое утверждение факта. — Да многие еще даже спать не ложились!

— Вот именно. Кто вообще работает первого января? Вся страна либо спит, либо доедает оливье.

— Хорошо, вас двое. Нет, трое. Еще водитель отца, он заберет документы.

Разговор продлился еще пару минут. Надя выдала точные инструкции. План казался до смешного простым: через два часа мне нужно заехать в офис, забрать у охранника пакет с бумагами и передать их водителю Анатолия Сергеевича — отца Нади. На мой логичный вопрос, почему водитель не мо-

жет сам забрать документы напрямую, на том конце провода возникла минутная заминка. А затем Надя тихо выдохнула: «Я всё объясню, когда приеду».

По этой виноватой интонации стало ясно: любимая дочь одного из самых известных адвокатов города снова крупно нашкодила. И почему меня это нисколько не удивляет?

Я лениво откинула одеяло и, тяжело вздохнув, уставилась в потолок. Похоже, сегодня намечался еще один «не мой день». В моем идеальном сценарии на первое января значились всего два пункта: постель и телевизор. Но один телефонный звонок перечеркнул всё. Весело начинается новый год.

Стоя на кухне и допивая кофе, я с сожалением подумала о том, что так и не выучилась на права. Сейчас можно было бы взять машину родителей, а не вызывать такси. Сами они уехали еще два дня назад на электричке в деревню, за сто пятьдесят километров от города. Туда, кстати, съезжались все наши многочисленные родственники. Отец в шутку называл такие семейные встречи «шабашем ведьм» — просто потому, что у него пять сестёр. В детстве мне, как и любому ребёнку, нравились эти посиделки: расползающийся по дому запах наряженной ёлки, горы самых разных подарков и залиvistый смех двоюродных братьев и сестёр. Но вот уже пять лет я избегаю этой компании. И вовсе не потому, что я выросла и во мне что-то изменилось. Изменилось в них. В каждом из них. Я могла простить это матери и отцу — толь-

ко потому, что дала слово. Но родственников я простить не хочу и не могу.

Попросив таксиста подождать пару минут, я забрала документы у сонного охранника, который искренне пытался поздравить меня с Новым годом и даже вручил шоколадку. А вот сам водитель оказался хмурым и неразговорчивым. Но стоило мне протянуть ему пару купюр со словами «сдачи не нужно», как на меня буквально посыпались пожелания всего самого лучшего, а главное — чаще улыбаться.

В этот момент я почему-то подумала о Наде, которая наверняка сейчас мило улыбается своему очередному «просто другу, ничего серьёзного». Кажется, его зовут Дима. Или Дима был до Славы? А после, по-моему, шёл Денис... Или всё-таки сейчас Слава? Вы только не подумайте, я не пытаюсь намекнуть на ветреность подруги. В моей жизни этот человек занимает совершенно особое место.

Бр-р-р... Холодно. Я вот уже полчаса сидела на скамейке возле закрытого торгового центра, согреваясь исключительно собственным возмущением. На улице далеко не май месяц — честные минус пятнадцать. И вокруг ни души. Кто только придумал эти праздничные дни? Сказать, что я чувствовала себя замёрзшей статуей на пустынной улице, — значит не сказать ничего. Телефон Нади по-прежнему был недоступен. Вот умеет же она на ровном месте создать огромную проблему для всех окружающих, а самой остаться в стороне! Но я была точно уверена: справедливость настиг-

нет подругу в моем лице. И в виде долгой нотации от её отца. Как же хотелось почувствовать в руках горячий стаканчик с кофе! Да и позавтракать я не успела — вкусный пирожок с ягодной начинкой сейчас бы точно не помешал моему замерзшему желудку. Я нервно натянула шарф до самого носа и снова представила в красках, как буду отчитывать любимую подругу за свой отмороженный зад. Ну почему с ней всегда так? Она в Майами, греется под лучами палящего солнца, а я зимой на лавочке жду ее водителя. Убью и ее, и этого водителя, который опаздывает уже на полчаса.

Вот почему нельзя было назначить встречу в каком-нибудь уютном кафе? Ну или, на худой конец, он мог бы заехать ко мне домой и забрать эту чертову папку. Нет, торговый центр им подавай! Так водителю, видите ли, ближе или по пути — не помню уже точно. А может, это просто единственное место, которое Надя смогла вспомнить в своем явно нетрезвом состоянии. Сиди теперь, Лена, и морозь зад. Хорошо хоть пуховик теплый, до самых колен. Не хватало еще простудиться и провалиться все праздничные выходные с температурой. И что вообще это за документы такие срочные? Признаюсь, поначалу никакого любопытства во мне не было, а вот сейчас безумно захотелось заглянуть внутрь папки. Но пальцы, прятавшиеся в теплых варежках, наотрез отказывались вылезать на мороз.

Моя злость достигла пика в тот момент, когда на парковку наконец въехал черный автомобиль. Я медленно, даже как-

то театрально поднялась со скамейки и, сжимая папку в руке, двинулась к машине. Сдерживаться не было никакого желания — оно осталось на лавочке вместе с мечтами о ленивом выходном. В голове я на ходу примеряла самую хищную улыбку и тираду из чисто русских, непечатных слов, чтобы человек с первого раза понял, как невежливо опаздывать. А еще мне нестерпимо хотелось зарядить этой тонкой черной папкой прямо ему по голове. Но это, пожалуй, было бы уже слишком.

Когда до машины оставалось пара метров, водительская дверь открылась. Из салона вальяжно вышел высокий мужчина в черном деловом костюме, увлеченно разговаривающий по телефону. Этот нахал даже не соизволил бросить взгляд в мою сторону — быстрым шагом он направился напрямик к закрытому входу в торговый центр. Ну нет, это уже переходило все границы. Всё-таки я заеду ему этой папкой по голове!

— Ну и куда вы направились?! — прокричала я на всю пустынную парковку, сверля незнакомца взглядом. — Торговый закрыт! А я тут сорок минут ваши документы морожу!

Мужчина резко остановился, убрал от уха телефон и через несколько секунд медленно повернулся, недоуменно смотря на меня. Вот это был уже финиш, он вообще хоть знает, зачем приехал сюда или в его крошечный мозг Надя заложила только место и время встречи.

- На улице ведь совсем не лето, правда?! И пробок нет,

первого января! - я подошла в мужчине на расстояние вытянутой руки и, ударив в грудь ему папкой, отчеканила. - Заберите, будьте так любезны!

Мужчина, не двигаясь, опустил взгляд на папку, а потом так же молча посмотрел на меня и мне очень не понравился этот холодный, просто ледяной взгляд, внутри аж все съёжилось от него. Затем, медленно не разрывая со мной зрительного контакта, приложил к уху телефон и коротко бросил *«Перезвоню»*.

Вы кто? - раздраженно спросил незнакомец, выделяя в каждом слове ударение, получилось даже устрашающе.

Ну, точно маленький мозг не смог вместить всю информацию. Уж время встречи из него точно вылетело. Убью Надю! Вот честное слово убью! А еще надо будет Анатолию Сергеевичу намекнуть про проф. непригодность его работников. В частности, водителей.

- Снегурочка, блин, ожидающая своего оленя за документами для деда мороза, - ещё раз убедилась, что как не крути сегодня очередной «не мой день», вернее выходной. Больше никогда не стану слушать плаксивые просьбы подруги, а тем более их выполнять, как будто одного раза в моей жизни было недостаточно. Не учит тебя ни чему жизнь Лена! Ох, не учит! Решено точно, если сейчас он не возьмет папку дам ему ей по голове, а потом и Нади чем ни будь ну очень тяжёлым.

— Так, Снегурочка. И на чем ты сидишь?

— На лавочке, идиот! — ехидно огрызнулась я, снова ткнув папкой ему в грудь. — Забери документы и скачи к хозяину!

Незнакомец опустил взгляд на папку, а затем повернулся на звук приближающегося автомобиля. Боковым зрением я увидела, как на парковке тормозит еще одна машина. Из нее буквально вылетел невысокий, коренастый мужчина лет пятидесяти и быстрым шагом направился к нам.

— Простите, Елена! Начальник только что отпустил. Ему Надежда Анатольевна всего двадцать минут назад позвонила, — затараторил он, пытаюсь выровнять дыхание после небольшой пробежки.

Ага. Значит, всего двадцать минут назад. А я торчу здесь гораздо дольше. Что-то явно пошло не по плану. А был ли вообще этот план? И кто же из нас получается круглой душой? Правильно, я.

Пауза затягивалась. Орать на настоящего водителя уже совсем не хотелось — я просто тупо уставилась на него, не в силах вымолвить ни слова. И как мне теперь себя вести перед этим незнакомцем, которого я только что обозвала идиотом? Мне показалось, что на улице резко наступило жаркое лето: щеки мгновенно вспыхнули, и в теплом пуховике стало безумно душно. Ой, нехорошо... Ой, как неловко получилось!

— Олень, по-видимому, приехал, — твердым голосом первым прервал молчание незнакомец.

— Что, простите? — непонимающе переспросил водитель. Он перевел взгляд на мужчину и тут же, словно по команде, вытянулся в стойку оловянного солдата: расправил плечи, задрал подбородок, втянул живот. Осталось только честь отдать стоящему перед ним человеку — в звании ну никак не меньше генерала.

— Добрый день, Александр Иванович!

— Я убью тебя, Канаева, — пробубнила я себе под нос, протягивая папку с документами уже нужному человеку. Попутно я составляла в голове список предметов, которые обрушатся на голову подруги сразу после её приезда. Во всей этой глупой ситуации виновата исключительно она. Себя винить ну никак не хотелось.

— Если можете, простите меня! Очень неудобно вышло, — я всё же решила поднять глаза на незнакомца и снова натолкнулась на его ледяной взгляд. Видно, я сильно его разозлила. Ну а кому понравится, когда какая-то невменяемая особа нападает на тебя посреди парковки, тычет папкой в грудь и обзывает оленем и идиотом? Вот мне бы точно не понравилось. И да, я как всегда вляпалась в глупую историю только потому, что это я.

— Давайте я подвезу вас домой, Елена, — предложил водитель, переводя взгляд то на меня, то на документы в своих руках. Я смогла лишь согласно кивнуть. Предложение смыться отсюда как можно быстрее казалось сейчас просто блестящим.

В руках незнакомца снова зазвонил телефон. Мужчина нервно посмотрел на часы. Только сейчас я заметила, что он одет в один лишь деловой костюм, пока я стою тут, укутанная в пуховик, и распинаюсь, как замерзла на лавочке. Стало еще стыднее.

— Простите, — снова тихо выдавила я. Незнакомец поднял взгляд и смерил меня таким жестким, неприкрытым пренебрежением, что мои щеки вспыхнули с новой силой. И тут — я сама не знаю, как это пришло мне в голову, — я ляпнула: — С Новым годом!

Попыталась улыбнуться, но вышло до того коряво, что мужчина на секунду просто замер в недоумении. Наконец он развернулся и быстрым шагом направился к своей машине, уже отвечая на звонок резким, командным голосом. Если бы не возраст — на вид ему было от силы лет тридцать пять или сорок, — я бы точно решила, что он генерал.

— Не нужно. Проверь сам, — донеслось до меня, прежде чем захлопнулась тяжелая дверь его автомобиля.

Проводив уезжающую машину взглядом, я еще несколько секунд стояла как вкопанная. Думала о том, что мне хотя бы хватило ума не съездить пресловутой черной папкой, будь она неладна, по голове совсем невиновного человека. А вот Надя по голове точно получит!

— Сам Воронов! — восхищенно произнес водитель, глядя вслед скрывшемуся из виду человеку.

— Кто? — спросила я, нащупывая в кармане телефон.

Мне не терпелось незамедлительно набрать подругу и оставить на ее автоответчике максимально возмущенное сообщение. И решительно добавить, что это была последняя ее просьба в мой адрес.

— Александр Иванович Воронов. Да под ним весь город ходит! В любую точку на карте ткни — это всё его. И что он тут забыл первого января?

— Шикарно. Назвала хозяина города идиотом, — снова проворчала я себе под нос и закрыла лицо руками от стыда. Лучше бы он правда был генералом.

— Вот к нему бы водителем попасть. Вот где деньги... — продолжал восхищаться шофер, не обращая на меня никакого внимания.

Дома я оказалась через двадцать минут. Всю дорогу молчала, глядя в окно на пустынные улицы и обдумывая сегодняшнее приключение. Что я там говорила? Что Надя занимает особенное место в моей жизни? О да. Место, которому можно подобрать одно емкое название — «камера хранения моей глупости». Телефон, думаю, уже бывшей подруги по-прежнему оставался вне зоны доступа. Вот тебе и первое января.

Не разуваясь, я прошла в комнату и обессиленно опустилась на диван. Медленно стянула шапку, швырнула ее на пол и откинулась на спинку, тяжело выдохнув. Какие же все-таки ледяные глаза у этого Воробьева... или Воронова, или как там его. Генерал, который и не генерал вовсе, а скорее оче-

редной богатый сноб с акциями какого-нибудь городского предприятия. Но фамилия точно птичья. Вспомнился рассказ Чехова, где герой никак не мог вспомнить фамилию знахаря. Там, кстати, тоже фигурировал генерал, но фамилия была связана с лошадьми. Эти мысли заставили меня улыбнуться.

И как этот Воронов мне голову не открутил, когда я предложила ему скакать к хозяину? А мое финальное «С Новым годом!» — это вообще, что было? Я просидела так еще минут десять, тупо глядя в потолок и по кругу прокручивая позор на парковке. Определенно, когда Бог раздавал людям мозги, Лена перепутала очереди и встала в первых рядах за тупостью.

Глава 2

ГЛАВА 2

Затяжные новогодние выходные подходили к концу. Родители вернулись из деревни. Мама без конца ворчала на отца за весь выпитый фирменный самогон любимой тёщи, а тот лишь отмалчивался и пытался спрятаться в спальне, жалуюсь на головную боль. Я прекрасно понимала, что ближайшие два часа мне придется выслушивать истории про всех съехавшихся на «шабаш» родственников, половину из которых я просто не помнила или не знала. Например, племянница Светочка — та, что медалистка, прекрасная девочка, — развелась с мужем, сошлась с женатым и родила ему сына Димочку. Так вот: Свету я не помню, первого мужа не знаю, женатого мужчину тем более, а про Димочку просто не хочу слушать. Но каждый раз я покорно сажусь за стол, пью несколько чашек чая подряд и старательно делаю вид, будто внимательно слушаю обо всех и обо всём.

— Лен, бабушка тебе твое любимое варенье передала, — сообщила мама, выкладывая из пакета банки с продуктами.

— Малиновое? — спросила я, стоя в дверях кухни и наблюдая за мамиными действиями. Это было негласным приглашением к традиционному чаепитию. И как, спрашивается, они подняли все эти баулы на пятый этаж? У папы сейчас должна болеть не голова, а спина.

— Угу. Включай чайник. Сейчас и попробуем.

Вот о чем я и говорила! Но сегодня я решила хотя бы попытаться увильнуть от чужих бед и радостей. Самое удивительное, что каждый год наша родня пополнялась детьми. В последний раз мама, кажется, говорила о двойне... или тройне — неважно. На этом моменте я обычно отключалась и начинала старательно умножать в уме трехзначные числа в столбик. Попробуйте как-нибудь, это правда помогает. Главное — на лице создается впечатление, будто ты сосредоточенно обдумываешь всё сказанное собеседником.

— Нет, мам, поздно уже, завтра на работу рано вставать, — отмахнулась я и вызывающе зевнула.

Видно, удача сегодня была на моей стороне: мама не стала настаивать. Облегченно выдохнув, я направилась в свою комнату. Переоделась в пижаму, удобно устроилась в кровати с книгой и погрузилась в таинственный мир фантастических тварей. Но стоило мне услышать до боли знакомый громкий голос: «Малиновое! Конечно, буду!», как я решительно откинула плед и пошла на кухню.

Увидев меня в дверях, моя лучезарная подруга широко улыбнулась, подняла руки вверх и объявила: — У меня куча подарков для тебя. Очень большая куча!

Если вы думаете, что дружба между такой, как я, и Надей бывает только в вымышленных историях, то сильно ошибаетесь. Я тому живой пример. Мы знакомы с самого детства: жили на одной лестничной площадке, играли в одной

песочнице, ходили в одну школу и строили похожие планы на жизнь. Маму Нади я совсем не помню, да и она сама тоже. Её сбил пьяный водитель, когда женщина возвращалась вечером с работы. Нам тогда было не больше пяти лет.

Отец Нади оказался очень сильным человеком. Он не сломался. Он принял новые обстоятельства и просто продолжил жить: перевёз своих родителей к себе, чтобы помогали с воспитанием дочери, а сам с головой погрузился в работу. Через пару лет Анатолий Сергеевич занялся частной практикой, а когда Наде исполнилось двенадцать, они переехали в дорогой район. Так мы потерялись почти на четыре года. Я скучала и вспоминала о ней, наверное, первые полгода, постоянно порывалась убедить родителей отвезти меня к ней в гости, а потом смирилась с неизбежностью нашего расставания. Моя жизнь за это время никак не изменилась — всё та же школа, всё тот же район и те же друзья. А вот у подруги изменилось абсолютно всё. И надо отдать ей должное: эти перемены её не испортили.

Я хорошо помню день, когда Надя вернулась в мою жизнь. Это была осень. Я выходила из школы и наблюдала, как рьяно спорят мои одноклассницы о новом классном руководителе — и это в выпускном-то классе! Приблизившись к ним, я собиралась вступить в полемику, еще не до конца решив для себя: защищать нового учителя или тоже возмутиться. Но тут кто-то громко выкрикнул мою фамилию. Я обернулась.

Всю дорогу до дома мы почти молчали, перекидываясь лишь вежливыми дежурными вопросами. Подруга заканчивала одиннадцатый класс в элитной гимназии, знала четыре языка, девятый класс по обмену отучилась в Германии, а теперь никак не могла определиться с профессией и вузом. Её отец настаивал на юриспруденции и учёбе за границей. Но уже тогда я почему-то подозревала, что Наде хочется совсем не того, чего её отцу, и свои права она будет отстаивать с особым упорством.

Но упорства ей, видимо, не хватило. И вот теперь на моей кухне стоит дипломированный адвокат из частной конторы своего отца. Кстати говоря, плохой адвокат — судя по последним событиям с черной папкой и моему отмороженному задку первого января.

— Саня, личный водитель папы, видите ли, заболел. Бу-хал, скорее всего, всю ночь напролёт — праздник же. Пришлось срочно искать замену, — тихо начала оправдываться подруга. — Документы должны были лежать у меня на столе ещё двадцать пятого числа. Признаю, оправдания мне нет. Сама знаю! Папа говорил, что эти бумаги — его главный козырь, но я и подумать не могла, что они понадобятся в то время, когда вся страна отдыхает. А тут прямо первого числа подавай! Работает он... Любовницу бы лучше завёл, как все нормальные холостые отцы. Я хотела тихо, без шума положить папку на стол с помощью Сани, а тут такая лажа, — театрально надув пухлые губы с ярко-красной помадой, На-

дя поёжилась.

— Вот почему-то даже не удивлена, — я забрала у неё книгу, подошла к окну и встала к подруге спиной.

— Ну я же говорила, что у меня много подарков! Очень много.

По словам самой Нади, это были не просто затяжные новогодние выходные — это были самые лучшие дни в её жизни. Хотя, если бы вы знали её ближе, то поняли бы: каждый уикенд моей подруги напоминал, по её же собственному мнению, либо сказку, либо невероятное приключение, либо «лучшие дни в жизни».

Но в этот раз, если верить всё той же подруге, в её сердце наконец постучалась настоящая любовь. И да, его звали Слава. Они были знакомы уже больше года, но отношения завязались только пару месяцев назад. И это оказался именно тот человек, с которым хотелось разделить всё: завести семью, детей и собаку. К тому же, по словам Надиного отца, у этого молодого человека намечалось весьма перспективное будущее в адвокатуре.

Кстати говоря, высшее юридическое образование я получила только благодаря Наде. В своё время она заявила отцу, что будет учиться на юрфаке только при соблюдении двух условий. Первое: учебное заведение должно быть в нашей стране, и выбирать его она будет сама. Второе: вместе с ней должна поступить и я. Правда, свой красный диплом Надя умудрилась получить на два года раньше меня.

Честно признаться, я никогда не училась хорошо. Школу окончила с тройками по алгебре и геометрии — ну вот не моё это, и всё. Я вообще до сих пор не могу понять людей с математическим складом ума. Вот скажите, как они умудряются из простого «А плюс Б равно Ц в квадрате» и рисунок треугольника расписать решение аж на несколько страниц? С другими предметами всё как-то яснее. В биологии есть пестики и тычинки, животные и люди с разным строением тел, грибы, в конце концов, и плесень. В истории — созданные государства, войны, правители, революции. География — это строение Земли, шесть материков, океаны и торговые пути. Даже химия понятна: она наполнена формулами и таблицей Менделеева. Но интегралы, аксиомы, производные функций, синусы и косинусы... Всё это для меня — как наша огромная вселенная: столь же необъятно и загадочно. Хотя я искренне восхищаюсь людьми, для которых высшая математика кажется простой, и которые стремятся навести порядок в бесконечном пространстве чисел или отыскать в них логическую последовательность.

Моим любимым предметом в школе была литература. Мир, где оживают самые скрытые желания, где мечты превращаются в реальность, а ты можешь стать героем, путешествующим на самый край земли. Мир, где существуют не только инопланетяне на фантастических кораблях, но и чувства, забытые нами так давно: любовь, верность, справедливость. Мир, который нельзя потрогать руками, но к которому

можно прикоснуться душой. Я могу долго рассказать о своей любви к книгам, о произведениях, перевернувших мою реальность, о персонажах, ставших моими кумирами. Но всё это было давно — в той, прошлой жизни. В жизни, где я могла бы восторженно поверить в идеального мужчину своей подруги, от чистого сердца пожелать им счастья и мечтать умереть в один день, крепко держась за руки. Но от той поры остались лишь спутанные воспоминания и увлечение сухим, механическим чтением.

Глава 3

ГЛАВА 3

— С днем рождения! — я протянула Наде маленькую синюю коробочку, перетянутую красной лентой, и загадочно улыбнулась.

Это уже стало нашей традицией. Каждый год именно в этот день мы сидели за одним и тем же столиком в ресторане «Крылатая мечта». Подруга любила повторять, что свой день рождения готова отмечать только с самыми близкими, и этими людьми были я и её папа. Правда, теперь появился еще один человек — Слава. Надя познакомила нас месяц назад, во время моего обеденного перерыва. Мы перекинулись парой дежурных фраз за чашкой кофе, и на этом всё.

Мы с Надей никогда не смешивали наши миры. И дело вовсе не в том, что в её вселенной всё было пафосным и дорогим, а в моей — простым, как у всех. Нет. Она никогда не звала меня на крутые вечеринки, где тусуется вся золотая молодёжь города, не заваливала дорогими подарками, не просила ходить с ней по бутикам, чтобы помочь с выбором платья, и не звала на элитные курорты. Но делала она это не потому, что смотрела на меня свысока или стеснялась перед друзьями, понимая, что я никак не вписываюсь в её окружение со своей копеечной зарплатной карточкой и маленькой трёхкомнатной квартирой в спальном районе.

Надя вообще удивительный человек. Золотая медаль, красный диплом, победы в олимпиадах по физике и математике. Интеллигентная, обаятельная девушка с твердым характером и абсолютной уверенностью в завтрашнем дне. И при всём этом она считала окружающий её мир фальшивкой, а людей в нём сравнивала с героями комиксов — ненастоящими, нарисованными. Но в то же время Надя понимала, что и в моём мире ей места нет.

Подруга быстро сорвала ленту и с широкой улыбкой открыла крышку. Она уставилась на подарок, который, судя по всему, слегка её озадачил.

— Ты же помнишь, что у меня БМВ? — удивленно спросила Надя, крутя в руках прямоугольный брелок для ключей с яркой надписью: «Я ещё та штучка».

Я лишь кивнула в ответ. На прошлый день рождения я подарила ей перьевую ручку «Паркер» с гравировкой — её любимой цитатой из «Мастера и Маргариты» Булгакова. До этого был сертификат на прыжок с парашютом, на который я сама никогда бы не отважилась, а вот Надя подарком воспользовалась.

Я искренне согласна с тем гением, который сказал, что тяжелее всего подобрать подарок человеку, у которого есть всё. Каждый раз месяца за три до торжества я начинала ломать голову, рьяно роюсь в интернете в поисках хоть какой-то идеи.

— Понятно. До сих пор дуешься из-за сорванных новогод-

них выходных, — смиренно предположила подруга и, бросив еще один взгляд на коробочку, жалобно добавила: — Ну хотя бы со значком марки моей машины можно было подобрать?

— Твой папа сегодня не смог присутствовать на этом грандиозном празднике, поэтому поручил мне передать тебе вот это, — решив больше не мучить нахмурившуюся подругу (как-никак у нее сегодня праздник), я достала из сумочки ключи, положила их на стол и пояснила: — Это дополнение к моему подарку. Документы у меня в офисе, надо же было застраховать жилье, завтра я их тебе привезу. И да, я всё ещё дуюсь!

— Ква... квар... квартиру?

— С днем рождения! — подняв бокал, я театрально произнесла тост и подмигнула шокированной подруге. — Можем поехать туда прямо сейчас.

Надя молчала, переводя взгляд то на ключи, то на брелок в своих руках. Я даже немного испугалась за неё — неужели настолько не ожидала такого сюрприза? Когда Анатолий Сергеевич привез мне в офис документы на оформление, я представляла, что Надя будет кричать и прыгать от счастья, громко хлопая в ладоши, но никак не заикаться.

— Квартира... Моя квартира!

— Ну как квартира? Скорее, роскошная двухуровневая студия-лофт в самом центре, с шикарным дизайнерским ремонтом и мебелью, — загадочно протянула я и сделала гло-

ток из бокала, вгоняя подругу в еще более глубокий шок.

Осушив свой бокал в несколько глотков, Надя поднялась. На её лице сияла широченная улыбка. Она демонстративно прицепила брелок к ключам.

— Сейчас эта штучка сходит в дамскую комнату, и мы едем смотреть мою квартиру. Мою! Позвони родителям, предупреди, что мы сегодня гуляем всю ночь.

Я смотрела вслед подруге, которая буквально светилась от счастья. Я знала: она давно просила отца об отдельном жилье. Но Анатолий Сергеевич никак не мог отпустить от себя любимую дочь, боясь потерять последнюю дорогую ему женщину. За всё это время у него так и не появилась постоянная спутница, которая смогла бы заменить Наде мать, а ему — супругу.

Я полезла в сумочку за телефоном в тот самый момент, когда стул Нади резко отодвинули. Подняв голову, я растерянно моргнула, мгновенно растеряв все мысли. Я словно окаменела под пристальным, ледяным взглядом, направленным на меня.

— Снегууурочка... — ухмыляясь, протянул мужчина и вальяжно откинулся на спинку стула. — Какая неожиданная встреча! Вы снова с папкой?

Я была уверена, что никогда больше не увижу этого человека. А тут — здрасьте, приехали. Он сидит прямо напротив меня с ехидной ухмылкой и буквально сверлит взглядом. Да, на парковке первого января всё вышло очень некрасиво, и

мне до сих пор стыдно. В тот день я, похоже, отморозила не задницу, а мозги. Вот и набросилась на первого встречного, которым по закону подлости оказался не кто иной, как один из самых влиятельных людей города. Прекрасно, Ленка, ты просто ходячий магнит для неприятностей. Ну и что теперь делать? Думаю, для начала нужно как минимум закрыть рот.

— Здравствуйте, — наконец умерла я, чувствуя себя нашкодившим котенком, который судорожно ищет, куда бы спрятаться от разгневанных хозяев. — Еще раз извините за тот неприятный случай на парковке.

— Я так понимаю, вы меня преследуете?

А вот тут, по-моему, уже явный перебор. Надо как-то тактично ответить на это заявление. А еще лучше — вспомнить его фамилию, а в идеале имя и отчество, которые называл опоздавший шофер. Или он их не называл? Бросив беглый взгляд на двух мужчин в черных костюмах без галстуков, замерших за спиной человека с птичьей фамилией, я инстинктивно сглотнула. Интуиция предвещала очень неприятный разговор.

— Вы сорвали мне крайне важную встречу. Я понёс колоссальные убытки. И вот теперь думаю: с кого за них спросить?

Интересно, вопрос был риторическим или он адресует его лично мне? Какие вообще убытки могут быть первого января на парковке закрытого торгового центра? Хотя, что я могу знать о бизнесе, которым занимается этот человек. Чёрт,

надо было хотя бы погуглить, кто он такой — тот, кому, по словам водителя, принадлежит чуть ли не половина этого города.

— Мне очень жаль, — сконфуженно улыбаясь, всё же выдавила я.

— И насколько тебе жаль, Снегурочка?

Во-первых, на «ты» мы точно не переходили. Во-вторых, мне вообще не жаль ни на грамм. Ну и в-третьих, я понятия не имела, что отвечать на вопрос, сути которого абсолютно не понимаю.

Думаю, многие встречали людей, которых принято называть «хозяевами жизни». Вот передо мной сидел типичный их представитель. Когда такой человек оказывается рядом, кажется, будто весь мир сужается до него одного. В его поведении, взгляде и даже в голосе читается абсолютная уверенность в себе и в завтрашнем дне. Создается впечатление, будто каждая секунда его жизни взята под тотальный контроль, а сам он ставит перед собой любые цели и с легкостью воплощает их в реальность.

— Ты забавная, Снегурочка, — видимо, устав ждать ответа, серьезно произнес Воронов, ослабляя узел темно-синего галстука.

— Сомнительный комплимент, — старательно избегая его пронзительного взгляда, отозвалась я.

— Это, конечно, не в моих правилах, но мне безумно любопытно: что было в той папке?

— А много у вас правил?

Как-то раз я наткнулась в интернете на статью о двадцати пяти мудрых правилах, которых нужно придерживаться, чтобы изменить жизнь к лучшему. В моем случае, конечно, менять уже нечего, но тогда текст показался мне интересным, хоть автора я и не запомнила. Скажу честно: как и большинство людей, я прочитала, мысленно согласилась и спустя пару дней благополучно обо всем забыла. Но сейчас, глядя на этого человека, я почему-то вспомнила именно ту статью. А что, если в этом и кроется цена успеха? В жестких правилах, которые нельзя нарушать. На первом курсе института, когда обучение еще было очным, нам преподавали психологию, и там, кажется, тоже говорили о подобных внутренних установках.

— Нет, — задумчиво ответил Воронов после того, как к нему склонился один из мужчин в черном костюме и что-то быстро шепнул на ухо.

— А правил, которые *можно* нарушать?

— Мне можно всё, Снегурочка, — загадочно произнес мужчина, подавшись немного вперед и положив руки на стол.

— Лена, всё хорошо?

Беспокойный голос подруги, раздавшийся над столом, мгновенно оборвал мои мысли. Заметив мужчину, сидевшего напротив меня, Надя тут же натянула свою самую сногшибательную улыбку и приветственным жестом протянула

руку:

— Добрый вечер, Александр Иванович. Позвольте представиться: Надежда Канаева. А это моя подруга — Елена Кравченко. Мой отец много рассказывал мне о вас.

Воронов переключил всё внимание на Надю. А мне почему-то стало немного жаль, что я так и не узнаю о его правилах, которые нельзя нарушать. Глупо. Знаю. Но всё же...

Тем временем мужчина поднялся и молча пожал руку Наде, внимательно вглядываясь в её лицо. Мне и раньше приходилось наблюдать, как подруга пытается очаровать собеседника, кем бы он ни был, и это удавалось ей без особого труда. Но в данной ситуации она явно прикладывала максимум усилий.

— Неужели я настолько заинтересовал вашу подругу, что она рассказывала обо мне своему адвокату? — с лёгкой иронией спросил Воронов.

А вот то, что произошло дальше, надо было видеть со стороны. Пока Надя подбирала правильные слова для самопрезентации, Воронов беспардонно повернулся к ней спиной, обошёл её и, вытащив из внутреннего кармана пиджака визитную карточку, протянул её мне.

— Снегурочка удивила, — произнес он, глядя мне прямо в глаза. — Если буду нужен, не жди больше на парковке. Скоро весна. Растаешь.

Я тупо смотрела на его протянутую руку и пыталась понять: почему он упрямо называет меня Снегурочкой? Я же, в

конце концов, его оленем вслух не зову! И вообще, с чего он взял, что он мне понадобится? Станный какой-то и очень наглый тип. Или они все такие — «хозяева» городов? Хотя если только спросить про правила... Да какие, к чёрту, правила, Лена, очнись уже!

Когда карточку, лукаво улыбаясь, перехватила Надя и прижала её к груди, я облегчённо выдохнула.

— Мы обязательно воспользуемся вашим предложением, Александр Иванович! — заверила она.

Воронов еще раз бросил беглый взгляд в мою сторону и, не прощаясь, направился к лестнице, ведущей на второй этаж ресторана.

— Если он меня позовёт в красную комнату и предложит стать его рабыней, сомневаться не буду ни секунды, — мечтательно произнесла подруга, сжимая мои плечи и провожая его взглядом. — Глядя на него, начинаешь верить, что Кристиан Грей всё-таки существует.

— На кого смотря? — достав всё же телефон из сумочки, я подняла голову и взглянула на Надю.

— На Воронова. Молод, богат, хорош собой — особенно если учесть, как сейчас выглядят мужчины в больших креслах.

— А как они выглядят?

— Как бегемоты: с толстым пузом, лысеющей головой и похотливым взглядом на молодое женское мясо. А он... он просто хищник во плоти. Один только его взгляд заставляет

партнеров забыть о собственных желаниях и думать лишь о том, чего хочет он. И этого он точно добьётся. Никогда не думала, что человеку может так идти власть.

— Ух ты! — сдержанно улыбнувшись, присвистнула я.

— Да, Лен, оказывается, романы не врут, и такие мужчины существуют. Вот только такие, как мы, ему не интересны.

Я еще раз внимательно посмотрела на подругу. Ладно, со мной всё ясно, такие, как я, ему точно без надобности. Но что не так с ней-то? Это какие же у него тогда требования к противоположному полу?

— Кто он вообще такой? — спросила я, когда мы уже сидели на заднем сиденье такси.

— Это мечта всех женщин, которые понимают, насколько толст его кошелёк!

— И чем занимается этот кошелек?

— Нашей безопасностью.

— В смысле?

— Даю краткую справку. Воронов Александр Иванович. Генеральный директор компании «Тольстрим». Они занимаются разработкой и установкой охранных систем. У него есть ключи от любого банка нашего города. Думаю, и не только нашего. Сын бывшего вора в законе, который в лихие девяностые успел много чего натворить, а в серьезные двухтысячные неожиданно подался в политику. Сам Александр Иванович не женат. Детей нет. Было пара громких романов, но недолгих. В общем-то, темная лошадка.

Подруга замолчала и внимательно посмотрела на меня, чуть склонив голову набок и прищулив глаза. Но, помолчав пару секунд, отвернулась к окну, явно передумав озвучивать последнюю мысль. А я никак не могла выбросить из головы те самые правила, которые нельзя нарушать.

Глава 4

ГЛАВА 4

Убрав папку на стеллаж, я выключила компьютер и кофемашину. Оставалось только полить наше апельсиновое дерево — подарок начальнику от друзей на день рождения. А так как ухаживать за ним в доме шефа было некому, это чудесное растение переселилось в наш офис навсегда.

Натягивая куртку, я пыталась вспомнить список продуктов, который с утра продиктовала мама. Вот говорила же она мне: «Записывай, доченька, всё в голове не удержишь». Точно помню про молоко и сливочное масло... Но мои попытки восстановить список прервали прямо на пороге. Двое гостей, которых я сегодня точно не ждала.

Первая мысль, которая мелькнула у меня в голове при виде их, была о том, что подруга снова что-то натворила, и теперь её будут прилюдно лишать подарка. Но, уловив паническое беспокойство в глазах Нади, я почувствовала, как в горле нарастает тугой ком. Я слишком хорошо помнила это беспокойство.

— Здравствуй, Леночка, — тихо произнес Анатолий Сергеевич. Он протянул руку, положил её мне на плечо и, слегка сжав, добавил: — Нам нужно поговорить. И разговор будет тяжелый. Давайте присядем.

Мы расположились в зоне ожидания, на небольших свет-

лых кожаных диванчиках, где обычно я размещала клиентов. Стоит признаться, эту работу подыскал для меня именно отец Нади — они с моим начальником старые друзья. Работа помощником нотариуса в этом маленьком офисе на первом этаже жилого дома, расположенного почти в центре города, мне искренне нравилась. До метро рукой подать, всего полчаса — и ты дома. С начальником мы сразу поладили, можно даже сказать, что он относился ко мне по-отечески тепло.

Подруга села рядом, а я подумала о том, что нужно бы предложить им кофе или воды. Но вслух ничего не произнесла, окончательно озадаченная неожиданным визитом.

— Я вчера получила документы на пересмотр дела. Они подали в Верховный суд, — тяжело вздохнув, начала Надя. Слова давались ей нелегко, я это чувствовала. Но мой разум до последнего отказывался связывать этот суд и тихий офис, в котором я работала. Психика словно блокировала подступающую взрывную волну, которая неминуемо должна была накрыть всё вокруг.

— Леночка, послушай, — пришёл на помощь дочери Анатолий Сергеевич. — Судебные постановления, вступившие в законную силу, могут быть пересмотрены по вновь открывшимся обстоятельствам. Они хотят изменить статью наказания. А там, скорее всего, подадут на УДО.

— Папочка вспомнил про своего сыночка, — зло прошипела Надя, низко опустив голову.

Я сцепила пальцы в замок и положила руки на колени, внимательно разглядывая обложку глянцевого журнала, лежавшего на стеклянном столике прямо передо мной. С глянца мне широко улыбалась красивая блондинка, сжимая в ладони ключи от машины. Счастливая обладательница новенького БМВ. Ей повезло. А почему именно ей? Почему не мне? Нет, я не хочу машину. Родители, конечно, пытались предложить мне свою или купить недорогую подержанную в кредит, но в этом не было никакой необходимости. Я просто хочу однажды прийти домой, подойти к зеркалу и так же искренне улыбнуться. Не боясь увидеть ту, что так яростно кричит и бьет кулаками с обратной стороны, разбивая руки в кровь.

— Лена, поверь, я сделаю всё, что смогу! — твёрдо заявил отец подруги.

И я знала, что это чистая правда. То, что сделал для меня Анатолий Сергеевич в то время, о котором я запретила себе вспоминать, было просто бесценно. И я сейчас говорю не о том, что он блестящий адвокат, знающий своё дело. Нет. Только в его глазах тогда, в больнице, я увидела отражение собственных чувств. Ярость и жажду мести. Он был единственным, кто не пытался меня пожалеть. Вместо этого он мучил меня постоянными вопросами, требуя самых откровенных ответов с подробным описанием всех деталей.

— Я верю, — произнесла я, вставая с дивана.

Мне хотелось, как можно скорее закончить этот разговор,

оказаться дома и забраться под одеяло прямо в одежде. Но сначала я выброшу этот чёртов журнал в мусорное ведро.

— Слушание назначено на двадцать девятое. Через две недели, — не поднимая головы, произнесла Надя.

— Лена, возьми воды, — затуманенным взглядом я посмотрела на протянутый подругой пластиковый стаканчик, изо всех сил подавляя желание истерически закричать.

— Какое слушание?

Анатолий Сергеевич нервно ослабил узел галстука, видимо, собираясь с мыслями и затягивая с ответом. Этого разговора не должно было существовать. Этого вечера вообще не должно было быть! Я сплю. Лежу сейчас в своей кровати, укрывшись с головой теплым одеялом, и чувствую, как стало душно. Снова кошмар. Я должна проснуться! *«Вставай!»* — громко кричал внутренний голос.

— По пересмотру дела, — тихо ответил адвокат. — Он решил вытащить сына. Лена, я считаю, что не имею никакого права лгать тебе сейчас. За это дело взялись несколько адвокатов, которых в наших кругах считают легендами. Я пытался встретиться с судьей, но получил отказ.

— Какие у нас шансы? — надломленным голосом спросила я, снова бросив взгляд на глянец, который раздражал меня всё сильнее.

После моего вопроса повисла гробовая тишина. Отец и дочь, словно сговорившись, опустили головы, внимательно разглядывая ламинат. Всё настолько плохо?

— Папа хочет предложить тебе обратиться к прессе, — Надя мягко коснулась моей руки. — Журналисты с жадностью ухватятся за эту историю. Тогда, пять лет назад, всё пытались скрыть, но сейчас это может вызвать огромный резонанс в обществе.

— Ну уж нет. Еще раз через это я проходить не буду. Хватит с меня.

Резко поднявшись с дивана, я подошла к столику, схватила журнал и швырнула его в мусорное ведро. Вот бы можно было выбросить вместе с ним и все мои воспоминания... Раз — и по волшебству избавиться от них навсегда. Но почему такое бывает только в сказках? Где же тот великий кудесник из Страны Оз, который исполняет любые желания? У которого Страшила просил мозги, Железный Дровосек — сердце, а Элли — дорогу домой. У меня ведь всего одно, совсем крошечное желание: больше никогда ничего не вспоминать.

— Я всё понимаю, Лен, но это наш единственный шанс не дать ему выйти, — тихо произнесла Надя.

— Нет! Ты ничего не понимаешь! Должен быть другой способ. Он не выйдет из тюрьмы раньше времени. Так просто не должно быть!

— Не выйдет, — Анатолий Сергеевич положил руку мне на плечо. — По крайней мере, я могу пообещать: я сделаю для этого всё.

Вот эти самые слова, та самая интонация, с которой они произносятся... Как же они мне знакомы. И как ненавистны.

Жалость. Её озвучил отец Нади, а для меня это могло означать только одно: дело совсем плохо.

Лежа в своей кровати, я вглядывалась в ночную темноту за окном и вспоминала тот вечер на подоконнике в палате, проклиная упущенное время. Если бы тогда я поторопилась, если бы смогла пересилить боль, если бы начала вставать с постели на пару минут раньше, то сейчас бы всё уже было кончено.

«Подожди, я тебе помогу», — услышала я тихий шепот мамы перед тем, как оттолкнуться от стула.

В моих воспоминаниях она тогда тихо закрыла за собой дверь палаты и быстрым шагом направилась ко мне, глядя куда-то мимо. Пододвинув стул ближе к стене, чтобы мне было удобнее опереться, мама отошла и села на мою кровать, повернувшись спиной к окну. Мы обе молчали, а я чувствовала, как боль начинает колотить в голове тяжёлым молотом.

— Я всё понимаю. И не буду тебя отговаривать, — заговорила она совсем тихо, каким-то мертвым, охрипшим голосом, низко склонив голову. — Если думаешь, что другого пути нет — прыгай. Я подожду. Отцу только надо будет позвонить... Попрощаться. Он тоже меня поймет. Жалко его, один совсем останется. Запыет. А потом в петлю полезет.

Я закрыла глаза, чувствуя, как лицо начинает гореть от слез. Ненавижу этот мир! Ненавижу его! Ненавижу себя! Ненавижу тот день! Ненавижу упущенное время!

— Почему я?! — надрывно закричала я на всю палату,

пытаясь вырвать из себя отчаяние, которое должно было улётеть вниз и остаться там навсегда. — Почему я, мама?!

Именно этот вопрос мучает меня и по сей день. Кого проклинать за свою сломанную судьбу? Себя? Незамоленные грехи родителей? Мразь, которая отняла у меня право быть женщиной? Бога, который не услышал молитвы моей матери?

— Прошу, потуши, мама! Мне очень горячо! Горит в груди! Больно! Мама, потуши! Почему я, мамочка?! Горит всё! Всё горит! — сжав свободную руку в кулак, я со всей силы ударила себя по груди. Не обращая внимания на дикую боль, оттолкнула стул и снова потянулась к открытому окну.

Мама вскочила с кровати. Подбежав ко мне, она мёртвой хваткой вцепилась в моё лицо и прижала свой лоб к моему — так, чтобы я видела её глаза, до краев наполненные отчаянием.

— Пусть горит, глупая! Пусть он уничтожит всё! Ничего пусть не оставит! Пусть выжжет все воспоминания! А мы со всем остальным справимся. Время нам поможет.

В ту ночь, рыдая на плече у матери, я поклялась ей, что попробую жить дальше — ради них. Со своей болью я как-нибудь справлюсь, а вот с их болью совладать не смогу. И не имею права причинять её им снова. Я говорила это и отчаянно пыталась поверить самой себе, но уже тогда в моё сознание закрадывалась страшная мысль: на самом деле я просто не успела прыгнуть.

Глава 5

ГЛАВА 5

Я перечитывала документ снова и снова, тщетно пытаюсь найти ошибку. Ещё раз сверив фамилию и инициалы с ксерокопией документов, я всё же решила сдать. Это было просто невыносимо — сидеть вот так в офисе и пытаться сосредоточиться, когда в груди тлеют угли, а ты изо всех сил делаешь вид, будто не замечаешь их удушающего жара. Нет, потушить это пламя невозможно. Человек, однажды столкнувшийся с огнём, который спалил внутри всё живое, не оставив ничего, кроме пепла, больше не боится пройтись по углям босиком. Вот именно так — не боится! Он просто научился не замечать. Спрятав всё самое страшное очень глубоко внутри, он тихо прикрыл двери и навесил огромный замок, ключ от которого держит у самого сердца — как напоминание о том, что боль может вернуться в любую секунду. И тогда снова вспыхнут угли, и разгорится пожар. Подойдя к кулеру, я на несколько минут застыла. Держала перед собой пустой пластиковый стаканчик, внимательно вглядываясь в его прозрачное дно. Сегодня работать я точно не смогу, и пытаться даже не стоит. Посмотрев в окно, отметила про себя, что совсем скоро весна, а это значит — затяжные дожди. Мне нужно обязательно купить зонтик, ведь свой я потеряла ещё год назад, а мамин случайно сломала в метро.

Ещё сегодня нужно заскочить в книжный магазин и купить несколько книг, список которых лежит у меня в сумочке вот уже неделю. Решила попробовать почитать новых авторов, совсем молодых — в интернете их называют «звёздами Рунета». У папы на следующей неделе день рождения, и мне нужно как-то уговорить маму скинуться на общий подарок для него. Он попросил кальян. И чуёт моё сердце, мама будет долго упираться рогом. Нужно ещё купить в офис новый кофе для кофеварки, этот мне совсем не нравится. Надо отдать пальто в химчистку... ведь скоро весна. Скоро дожди. И скоро двадцать девятое число. Время летит неумолимо, и скоро суд. Выбросив смятый пустой стаканчик в мусорное ведро, я обняла себя руками, тщетно пытаясь остановить проносящиеся мимо безумные мысли. Так просто нельзя! Я всё равно не смогу сбежать. Завтра наступит ещё один день, и в нём всё равно придётся как-то существовать. Существовать с удушающей мыслью о несправедливости. О ней вообще можно рассуждать бесконечно. По моей личной теории, всё в нашей вселенной держится исключительно на несправедливости. Такой уж это мир! Ребёнок умирает от рака только потому, что у его родителей нет денег на дорогостоящее лечение. Террористы взрывают дома, метро и самолёты, хладнокровно убивая ни в чём не повинных людей и громко крича при этом о своей вере в Бога. Отец легко отрекается от собственного ребёнка, потому что в новой жизни с другой женщиной тому просто не осталось места. Мать принимает оче-

редную дозу наркотиков, наплевав на свой огромный живот и малыша, который пытается родиться здоровым. Муж ежедневно до полусмерти избивает свою жену только потому, что она есть. Родители хоронят единственного сына в цинковом гробу, тщетно пытаясь понять, в чём его вина перед этой страной. В чём вообще вина людей?! В чём моя вина?!

По каким законам или правилам должны жить люди, чтобы не испытывать на себе всю эту дикую несправедливость? Неожиданно в памяти сам собой всплыл его ледяной взгляд. Есть ли в жизни Александра Воронова хоть капля справедливости? Или огромный банковский счёт напрочь стирает все границы совести, заменяя их абсолютной властью и авторитетом? А возможно, всё намного проще, и такое понятие, как справедливость, окончательно выветривается из головы вместе с молоком матери и пригретым кожаным креслом отца в одном из крупнейших холдингов. Чему тут удивляться, если, по словам Нади, этот человек умудряется держать в страхе весь наш город...

А вот тут я неожиданно взяла минутную паузу. Мысль, внезапно пришедшая мне в голову, просто выбила меня из реальности. Не позволяя себе одуматься и испугаться, я подлетела к рабочему столу, схватила телефон и пулей выбежала на улицу. Надя ответила сразу же, после первого гудка.

— Визитка Воронова ещё у тебя? — выдохнула я в трубку, перебивая её приветствие. — Мне нужен его номер. Сейчас. Жду.

Я сбросила вызов, не позволив подруге задать ни одного вопроса. Мне сейчас они были совсем ни к чему. Лихорадочно сбежав по лестнице, я прижала телефон к груди, вышла во внутренний дворик офиса и медленно присела на лавочку, совершенно не чувствуя пронизывающего холода. Нет, я ни на что не надеялась. В моей изломанной жизни «надежда» — это абсолютно пустое слово, не имеющее под собой никакого определения. Но попробовать всё же стоило. Экран моргнул. Получив заветный номер, а вместе с ним и целую кучу панических сообщений от Нади, которые я просто проигнорировала, я набрала цифры. Не раздумывая ни секунды, приложила телефон к уху, замирая под монотонные длинные гудки.

— Здравствуйте, — прочистив мгновенно пересохшее горло, произнесла я, когда на том конце провода ответили. Я лихорадочно пыталась сообразить, что именно скажу этому человеку. — Я хотела бы поговорить с Александром Вороновым.

— Александр Иванович сейчас не может ответить, но я сообщу ему о вашем звонке, — очаровательный, профессионально-вежливый голос женщины на том конце провода немного притупил моё чувство скованности. Я даже попыталась мысленно представить её. Высокая, стройная шатенка лет тридцати с ярко-зелёными глазами, в строгом деловом костюме и с безупречной красной помадой на губах. Она наверняка сидит за стеклянным столом, расслабленно

откинувшись на спинку дорогого кресла, и бесстрастно рассматривает городской пейзаж за панорамным окном, ведя эти скучные, однотипные телефонные разговоры.

— Как я могу записать вас? — ровно осведомилась она.

— Снегурочка, — не раздумывая ни секунды, решительно заявила я, представляя, как идеальное лицо шатенки сейчас вытягивается от изумления или усмешки.

— Хорошо. Я передам. До свидания.

Ну и выдержка у этой девушки! Хотя, чему я удивляюсь? Воронову, может, на дню по сто раз звонят всякие Анжелы, Сусанны, Русалки и Зайки. Оставался лишь ничтожно малый шанс, что Снегурочек в его окружении водится не так много, и он сможет понять, кто именно оставил это дурацкое послание.

Ещё раз глубоко вдохнув морозный воздух, я решила поскорее вернуться в офис, дабы не подхватить воспаление лёгких. Вот только болезни мне сейчас для полного счастья не хватало. Ведь вылетая в панике на улицу, куртку я с собой прихватить даже не догадалась. Но стоило мне подойти к входной двери и потянуть за ручку, как в замёрзшей ладони требовательно завибрировал телефон.

— У тебя снова папка, которую нужно передать? — раздался в трубке его низкий, пронизательный голос.

— Мы можем встретиться? — так же опустив дежурные приветствия, серьёзно спросила я, ещё сильнее сжимая холодную металлическую ручку офисной двери.

Прошло секунд двадцать оглушительной тишины, прежде чем Воронов ответил своим привычным, жёстким тоном: — Через час в ресторане «Метелица». У меня будет ровно пятнадцать минут.

Я не успела ничего сказать в ответ — он отключился сразу же после озвученного места. Где вообще находится эта «Метелица» и успею ли я добраться туда по городским пробкам всего за час? Одно на тот момент я знала точно: пятнадцати минут мне хватит с лихвой.

Быстро вызвав такси и на ходу предупредив Эдуарда Михайловича о том, что могу сильно задержаться на обеде, я выбежала на улицу, торопливо натягивая куртку.